

СКАЗОЧНИК ПИСАХОВ

ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы литературная нива в Архангельске не была урожайной. Обогащали ее те, кто писали о Севере, не будучи "своими". Читали исторические романы Н. Никитина, Ю. Германа, спорили, писали о них. Но были люди, живые, по-своему интересные, влюбленные в литературу. Я жил среди них, жил общими с ними страстями. Как это у Евгения Винокурова:

Я, люди, с вами ел и пил...
Я, единица, не был дробью!
И все же род людской лепил
Меня по своему подобию...

Здесь, в Архангельске, посчастливилось мне узнать таких замечательных людей, как Антонина Яковлевна Колотилова, создательница Северного русского народного хора, как писатель и художник Степан Григорьевич Писахов.

Антонина Яковлевна тридцать пять лет руководила созданным ею творческим коллективом. Была она челове-

ком нелегким в общении с людьми, каким-либо образом причастными к работе ее детища. Но наши с ней отношения сложились вполне благополучно. Видимо, потому, что я был согласен с Антониной Яковлевной в главном: Северный хор не должен следовать модным современным эстрадным веяниям, он должен сохранять фольклорное лицо, причем в его севернорусском варианте. Вот эта идея нас связывала, и мы подолгу обсуждали репертуар, иногда немножко спорили, но все же приходили к согласию. Я бывал на репетициях хора, ходил на концерты. И даже к 30-летию коллектива написал о нем брошюру, выпущенную местным издательством. Это была бесхитростная журналистская работа, хотя и писалась она увлеченно, от чистого сердца.

Встречались мы с Антониной Яковлевной и после, в каждый приезд Северного хора в Москву, и всегда она делилась новыми песенными находками, сетовала на неурядицы, но никогда не унывала. Казалось, что ее энергии, ее творческого энтузиазма хватит еще на много лет. Но силы человека не беспредельны. Антонина Яковлевна надорвалась на работе, смерть настигла ее буквально в движении...

Душевную привязанность я испытываю и к нынешнему руководителю Северного народного хора — Нине Константиновне Мешко, с которой тоже установились самые добрые отношения. Я вижу в ней человека, бесконечно влюбленного в русское песенное наследие, внесшего новые краски в творческий облик прославленного коллектива.

"Колдуном слова" назвал в свое время Демьян Бедный северного сказочника Писахова. Степан Григорьевич Писахов — патриарх северных писателей и художников. Бывало, кто ни приедет в Архангельск — из людей, любящих литературу, искусство, путешественников и краеведов, — двух человек в городе он не минует: Степана Писахова и Илью Константиновича Вылку (Тыко Вылка).

— Сначала осматривают Архангельск, потом меня, — шутил Степан Григорьевич.

Вспоминается огромная комната Писахова в старом двухэтажном доме по улице Поморской, всегда открытая для гостей. Она как выставочный зал: стены сплошь увешаны картинами. Хозяин радушно приветствует вас,

усаживает в старинное резное кресло. Он не покажет вам ни своих картин, ни книг, ни журналов, где печатались его сказки, если вы не попросите, не напомните ему об этом. Зато рассказывать Степан Григорьевич любил, и рассказать ему было о чем.

Немало за свою жизнь поехал по Северу Степан Григорьевич. Бывал на Печоре, на Мезени, на Пинеге, на Онеге. Бывал в разных концах России. Будучи молодым художником, путешествовал по Греции, Египту, Палестине, Италии, Франции. Но больше всего Писахов любил рассказывать о своих поездках по Северу. Его рассказы, полные живости, юмора, представляли собой маленькие новеллы, переданные образным, колоритным, необычайно выразительным языком. И сам он внешне напоминал персонажа из сказки — небольшого росточка, с длинными седыми волосами и висячими усами, широким носом, еле видными из-под нависших бровей глазами, с доброй, немножко лукавой стариковской улыбкой...

— Вот в этой комнате я и родился, — разводит руками Степан Григорьевич, — здесь же мне бабка рассказывала сказки. Помню, семьдесят два года назад рассказывала она мне сказку... — и он воспроизводит ее содержание, как будто услышал сказку не семьдесят два года назад, а на прошлой неделе.

Рассказывая, Степан Григорьевич обязательно останавливается на каком-либо понравившемся ему слове, произносит его на разные лады, любит его со всех сторон и вас заражает этой своей влюбленностью в крепкое, звонкое и меткое русское слово.

— Девочек на выданье на Пинеге зовут "хваленки". Ну что за слово! — восхищенно произносит он. — Сколько в нем сказано — в одном слове! И ведь каждому русскому человеку будет понятен его большой смысл, если слово это умеючи окружить да преподнести читателю. Так ли я говорю?

А словечек таких у Писахова полная кладовая. Он рассказывал о том, что после появления в печати первых сказок его спрашивали, пользуется ли он словарем Даля. Старый сказочник в шутку говорил, что если бы Владимир Даль побывал на Печоре и на Пинеге, то, наверное, прибавил бы еще один том к своему словарю.

Сказки Степана Писахова стали появляться в печати в 1932 году в журнале "30 дней" (раньше в 1924 году, была опубликована только одна сказка "Не любо — не слушай" в сборнике "На Северной Двине"). Затем в Архангельске они несколько раз издавались отдельными книжками. А вот в Москве до 1957 года не издавались ни разу.

Какой-то бойкий рецензент или редактор однажды забраковал рукопись, написав автору, что у него "беден язык". Больше Писахов не обращался туда, пока читатели таланта северного сказочника не вспомнили о нем и не проявили инициативы по изданию книги сказок в "Советском писателе".

"Что память безвестных северных сказителей — моих родичей и земляков, я свои сказки веду от имени Сени Малины", — говорит автор в коротеньком предисловии. Сеня Малина, веселый рассказчик — реальное лицо, встреченное Писаховым в жизни. Образ Сени Малины, враля и весельчака, рыболова и "первостатейного охотника", человека авантюрной складки, в то же время несет в себе черты характера народного. Сеня Малина — не просто бездумный враль и старый озорник, в его рассказах за внешней, видимой оболочкой фантастических метаморфоз и невероятных происшествий отчетливо выражены вековые чаяния и думы северного крестьянина, его мечта о лучшей жизни.

Можно взять любую из сказок Писахова на выбор — и ни в одной из них нет пустого зубоскальства, шутовства. Вот, скажем, "Снежные вехи". В ней рассказывается о том, как Сеня Малина облегчил себе работу — вешенье дороги. Становится он на время снегопада на то место, где надо веху ставить, и подскакивает, чтобы снег над головой уминать. Так он намял много столбов и обвешил всю дорогу. А на вечерней заре, "перед потемненью", солнышко осветило эти столбы малиновым светом. Плеснул Малина водой на них, и свет солнечно-малиновый в столбы вмерзнул. И вот этот дивный свет доставляет удовольствие всем: им любят старые и молодые, он красит людей. А по зимней дороге от этого света цветы расцвели. Под влиянием красоты природной воцарилось согласие между девками и бабами, зачистили сваты в Уйму, де-

ревню под Архангельском, где происходит действие почти всех сказок Писахова, где жил реальный и сказочный Сеня Малина.

В этой сказке выражена мечта крестьянина об облегчении тяжелого ручного труда, поглощавшего много времени и физических сил. Но самое примечательное в ней — тяга людей к прекрасному, мечта о прекрасном. "Девки к моим малиновым столбам изо всех сил выторапливались. Какая хочешь некрасивая, во что хочешь одета, малиновым светом ее осветит — и с лица кажет распрекрасная и одеждой разнарядная. Да так, что из-под ручки посмотреть!.. Наши девки наряднее всех богатеек были!"

И нередко самая фантастическая сказка кончается серьезно, без тени улыбки. "Ужо, повремени малость, мы нашу Уйму яблонями обсадим, только уж всамделишными" ("Яблоней цвел"). Этим подчеркиванием — "всамделишными" — рассказчик совершенно снимает шутливо-ироническую интонацию в разговоре о будущем. И хотя разговор этот заключен в одной фразе, он исполнен глубокого смысла. Дерзкий полет фантазии, где-то, может быть, подсознательно, опирается на реальную почву — источником вдохновения для нее служит сама действительность.

Стремление народа подчинить себе стихийные силы природы выразилось в том, как Малина "наловил всяких разных ветров: суховейных, мокропогодных, супротивных, попутных", и как он распорядился этим "ветряным запасом" в практических целях, облегчая труд баб и мужиков ("Ветер про запас"); и в том, как находчивый мужик запряг сто белых медведей и "поехал на медведях по морю" ("Белые медведи"); и в том, как Сеня Малина морем покрывался вместо одеяла ("Сплю у моря"). Такие мотивы часто встречаются в сказках Писахова.

Вот безудержная фантазия Сени Малины с помощью "запасных ветров" подняла деревню Уйму высоко над землей ("На Уйме кругом света"): "Уйма на ветрах на одном месте остановилась", а внизу "земля поворачивается". Высмотрели уймичи сверху житье-бытье в других краях, "много стран оглядели, а жить нигде не захотели", решили, что свой край и "в старое время был самолучшим, кабы не полицейские да чиновники".

Что же увидели уймичи на белом свете? "Видели раз-

ные всякие страны, видели разных народов. У всякого народа своя жизнь. Над всякими народами свой царь либо король сидит и над народом всячески изгиляется, измывается. Народным хлебом цари, короли объедаются, на народную силу опираются, народ гнетут. А чтобы народ в разум не пришел, чтобы своих истязателей умными и сильными почитал, цари, короли полицейских откармливают и на народ науськивают. Разномастных попов развели, попы звоном-гомоном ум отбивают, кадилами глаза туманят. Непонимающий народ отпору не дает, думает — так и надо.

Как мы это усмотрели да в толк взяли, в такую ярость взошли, что кабы не так высоко мы были, кабы наши руки дотянулись — мы бы разом всех царей, королев прикончили, да в те поры у нас руки были коротки”.

Узнав, что в Уйму проникла крамола, туда устремились чиновники. Но уймичам теперь уже не страшны чиновники, они “всей деревней на них гаркнули”, а на губернатора напустили “ветер штормовой”. И здесь, в одной из самых причудливых и замысловатых по сюжету сказок, в основе стоит реальный конфликт, взятый из действительной жизни. Увы, не обошлось в ней и без влияния разнузданной в 30-е годы антирелигиозной истерии...

По приведенным отрывкам, конечно, еще трудно судить, насколько живописен, красочен и остроумен язык сказок Писахова, но выражение “словом перекидываться” (“Морожены песни”) действительно приобретает в них не сказочный, а вполне реальный смысл. Меткие словечки то “веселыми стайками”, то в одиночку мелькают на страницах его книг, сплетая красивый замысловатый узор колоритной и образной речи, и звучит эта речь напевно, нельзя не уловить ее мелодику, ее речитативный ритм.

“А девкам перво дело песни. На улицу выскочат, с мороза подол на голову накинута, затянут песню старинную, длинную, с переливами, с выносом! Песня мерзнет колечушками тонюсенькими-тонюсенькими, колечушко в колечушко отсвечивают цветом камня драгоценного, отсвечивают светом радуги. Девки из мороженных песен кружева плетут да всякие узорности. Дом попереду весь улепят да увесят. На конек затейно слово с прискоком скажут. По краям частушек навесят. Где свободно место

окажется, приладят слово ласково. "Милый, приходи, любый, заглядывай!"

Вера в могучую силу слова всегда жила в народе, и это нашло свое выражение в фольклоре. В сказках Писахова фольклорная магия слова существенно преобразуется, она приближена к реальной почве. В сказке "Письмо мордобитно" рассказывается о том, как Сеня Малина написал "большую бумагу". "Крепкие слова" этой бумаги били чиновников по головам, "по министерским личностям... за весь рабочий народ!"

О сказках Писахова можно сказать: в них не просто — русский дух, в них — северный русский дух, так ощутим в них колорит края, так приросли они к Северу.

Давно уже сказки Степана Писахова полюбились читателям. Некоторые из них передаются устно как народные. Характерный пример их широкого распространения привел П. Безруких еще в 1941 году ("Литературное обозрение", 1941, № 2, с. 4). Значительно трансформированную сказку Писахова одному из литераторов удалось записать на Украине. Изменился колорит, детали, вместо Сени Малины появился другой рассказчик — дядько Опанас, но сюжет остался в основе своей без изменения. Было выяснено, что сказка перекочевала на Украину через "журнал с картинками".

Сейчас, когда Степана Григорьевича уже не встретишь на улицах Архангельска, не встретишь издалека похожего на гнома, живописного старика с палкой в руке, особенно ясно вспоминаются разговоры с ним. Как и всегда, при нашей последней встрече Степан Григорьевич был оживлен, бесконечно рассказывал какие-то любопытные истории, которых великое множество хранила его память, рассказывал сюжеты новых сказок, поражавшие необузданным взлетом фантазии. В последние годы он почти не писал сказок, но поведать их своим друзьям и знакомым любил и делал это с великим удовольствием. Как жаль, что никто из нас не догадался записать эти сказки!..

Но давайте-ка обратим взгляд на сегодняшний Север. Мне кажется, он не обделен талантами. Назову первое имя, без которого, пожалуй, трудно представить русскую современную литературу, имя Федора Абрамова.